

ПРОФЕССОР Г. ШТЁКЛЬ РАЗМЫШЛЯЕТ ОБ УРОКАХ ИСТОРИИ

В. Т. Пашуто

Г. Штёкль — известный западногерманский буржуазный специалист по русской истории, ответственный редактор одного из основных журналов ФРГ по проблемам истории стран Восточной Европы, «*Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*». Он автор историографических обзоров, познакомивших научную общественность ФРГ с работами советских историков-медиевистов; его перу принадлежат статьи и книги по многим проблемам русской истории, обобщенные в курсе «История России»¹. Труды Г. Штёкля привлекли к себе внимание советской критики в первую очередь потому, что автор их принадлежит к числу тех пока немногих буржуазных историков ФРГ, которые «призывают своих коллег отказать от воинствующей геополитики пангерманизма и найти какие-то новые аспекты в истории взаимоотношений народов Европы, основанные на признании достижений марксистской историографии»².

Г. Штёкль враждебно относится к коммунизму, но одновременно он не приемлет и неофашистский реваншизм. Перед нами две его последние книги³ и ряд статей, в которых автор пытается обосновать свои взгляды. Эти работы интересны и с источниковедческой и с социологической стороны, они позволяют судить о сложном творческом облике крупного ученого, вынужденного под напором событий современности и фактов истории, пусть с трудом, пересматривать глубоко укоренившиеся в буржуазной немецкой историографии антиисторические, националистические концепции. Книги Г. Штёкля далеко не равноценны. Первая — «Изображение Запада в древнерусских летописях» — служит подкреплением его антикоммунистических идей, вторая — «Восточная Европа и немцы. Прошлое и настоящее напряженного соседства» — обоснованию идей антиреваншистских. Читая эти опубликованные в течение трех лет такие разные работы, еще раз убеждаешься в том, как идея, воодушевляющая автора, сказывается на методологии и методике им написанного.

Сперва небольшая историографическая справка. Немецкую буржуазную историографию издавна занимает вопрос: куда относить Россию — к Европе или к Азии? Когда в искалеченной фашизмом западногерманской историографии по инициативе Г. Аубина возродился Остфоршунг (1952 г.) как идеология антикоммунизма, над ним развевался лозунг гитлеровских времен: «Советская Россия — враг Европы, история Рос-

¹ G. Stöckl. *Russische Geschichte*. 2. Aufl. Stuttgart, 1963. Оценку этой работы см.: Э. Доннерт. История дореволюционной России в трудах современных остфоршеров. «Критика западногерманского Остфоршунга». Сборник статей. М. 1966, стр. 151—170.

² См. М. В. Нечкина, В. Т. Пашуто, Е. Б. Черняк. Эволюция исторической мысли в середине XX в. «Вопросы истории», 1965, № 12, стр. 7.

³ G. Stöckl. *Das Bild des Abendlandes in den altrussischen Chroniken*. Köln-Oplagen, 1965; *ejusd. Osteuropa und die Deutschen. Geschichte und Gegenwart einer spannungsreichen Nachbarschaft*. Hamburg, 1967.

сни — вне Европы». Об этом мы уже писали⁴. Среди авторов, пропагандировавших подобный взгляд (А. Шелтинг, В. Маркерт, Э. Хельцле и др.), Г. Штёкль занял несколько обособленную, более гибкую позицию. Выступив десять лет назад, он отказался дать однозначный ответ на этот вопрос, считая его «неудачно» поставленным. Он соглашался с тем, что взаимоотношения России с Европой составляют стержневую тему философии русской истории, но полагал, что динамическая борьба европейских и антиевропейских сил шла издавна, «и там, где действовали европейские силы» в России, там «в известной мере, вероятно, и была Европа, и там ей невозможно избежать ответственности»⁵. С той поры Г. Штёкль не раз возвращался к этой теме и не так давно изложил ее последний вариант⁶.

Если старые пангерманисты, бердяевцы и ранние остфоршеры считали, что «европеизация» России началась с Петра I, то Г. Штёкль готов во всей истории нашей страны видеть «колебания между отдалением и приближением» к Европе⁷. Если Н. А. Бердяев и ранние остфоршеры считали, что европеизация затронула лишь тонкий слой интеллигенции, то Г. Штёкль пишет уже нечто иное: «Утверждение о тонком мазке европеизма, который был нанесен на поверхность послепетровской России» и «молниеносно смыт» в 1917 г., порождено «теми широко распространенными представлениями, которые своим возникновением обязаны меньше всего основательным историческим знаниям, скорее это — невольная реакция на политические неудобства»⁸. Г. Штёкль имеет в виду «неудобства», возникшие после 1917 г. для Н. А. Бердяева и других белогвардейских теоретиков. Если Н. А. Бердяев и ранние остфоршеры поносили большевизм как «исчадие средневековья» и видели его корни в православии, татаризации, цезарепапизме и т. п., то Г. Штёкль не без грусти отверг этот миф, осмеянный новейшей советской историографией. «Все не так просто, к сожалению, — пишет он. — Европу невозможно исцелить заявлением о том, что победа большевизма — это не что иное, как простое возвращение к азиатской деспотии». И «Европа» несет ответственность за марксизм как «результат» западной истории⁹. Следовательно, Г. Штёкль вырвал «православные корни» большевизма лишь для того, чтобы возложить их на алтарь интегральной «Европы», и не надо думать, что он уж так далек от Н. А. Бердяева. Г. Штёкль ведь тоже утверждает, что исторических законов нет, что они «не столько познаны, сколько октроированы», и не облегчают познание «текущего момента»¹⁰. Сам Г. Штёкль в поисках причин победы большевизма делает акцент на «субъективной» основе европеизации России (включая победу в ней нового строя) и сводит ее к чертам, характерным для «русского европеизированного слоя»¹¹. Среди этих черт и «мучительная рефлексия» на все европейское, и «нетерпеливость», и особенно отсутствие «тренировки духа», которой неоткуда быть, так как Россия лишена-де «исторической глубины, характерной для европейской образованности начиная от средних веков»¹².

⁴ См. V. Pašuto, V. Salov. Russland und Europa. «Auf den Spuren der Ostforschung». Sammlung der Beiträge. Leipzig. 1963, S. 13 ff.

⁵ G. Stökl. Russland und Europa vor Peter dem Grossen. «Russland, Europa und der deutsche Osten». München. 1960, S. 57—58; eju s d. Russische Geschichte. Stuttgart. 1965, S. XII.

⁶ G. Stökl. Wie europäisch ist Russland? Zur politischen Präsenz eines historischen Problems. «Wort und Wahrheit». Monatsschrift für Religion und Kultur, XII. Jg., Oktober, 1964, H. 10, S. 587—595.

⁷ Ibid., S. 591.

⁸ Ibid., S. 592.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., S. 587.

¹¹ Ibid., S. 593.

¹² Ibid.

Здесь мы прервем рассуждения Г. Штёкля и обратимся к его книге «Изображение Запада в древнерусских летописях»¹³, которая является своего рода источниковедческим обоснованием только что сказанного. Эта книга не монография. Возникла она так. Г. Штёкль выступил с докладом в Дюссельдорфе, в обществе по исследованию земли Северный Рейн — Вестфалия. Состоялась дискуссия, в которой приняли участие профессора, в их числе статс-секретарь Л. Брандт, а также управляющий делами министерства В. Хаугг. Материалы дискуссии вошли в книгу, изданную Л. Брандтом по распоряжению Ф. Мейера, министра-президента земли Северный Рейн — Вестфалия.

Г. Штёкль у летописных истоков Великой Октябрьской социалистической революции

Казалось бы, что общего между Октябрьской революцией и древнерусской летописью? Но это только на первый взгляд. Прочтем доклад Г. Штёкля и посмотрим, что нашел автор на Руси для своих коллег. Кстати, это позволит нам составить представление об источниковедческом уровне русской историографии в ФРГ. Записи Г. Штёкля о Руси фрагментарны и столь своеобразны, что походят больше на отчет туриста, нежели на доклад исследователя. В самом деле. Вот Штёкль мысленно переносится в Древнюю Русь, в Киев. И первое, что бросается ему в глаза, — это, естественно, ворота, сначала «Золотые», а вслед за ними «Еврейские» и «Польские». Были там и «Венгерские»¹⁴, но Штёкль их не заметил, увлеченный своим первым выводом: «Мы узнаём внушительную силу византийского примера и само собою разумеющуюся действительность соседства с землей латинского Запада»¹⁵. В дальнейшем автор решил не разбрасываться. «Кажется целесообразным, — замечает он, — сосредоточиться первоначально на сравнительно простом вопросе: что вообще знали древнерусские летописцы о Западе?» И с неоправданной надеждой добавляет: «Ответ на следующий вопрос — что думали они о Западе — получится при этом без труда, сам собой»¹⁶. Едва ли. «Без труда не вынешь и рыбку из пруда», — гласит пословица. А вдруг древнерусские летописцы писали о Западе меньше, чем знали и думали? Тем более, что летописи (это известно и Г. Штёклю) — политические документы; к тому же их списки позднее того времени, которое в них описывается.

Чтобы собрать и правильно понять известия летописей о «Западе», надо знать историографию международных связей. Изучил ли ее Г. Штёкль? Вот его слова: «Для советской историографии европейский характер России вообще, не только в ее киевский, но и в послепетровский период, — недискутабельная очевидность. По понятным причинам она выпячивает из западных отношений Киевской Руси прежде всего те, что касаются западных славян»¹⁷. Читаем, и хочется спросить автора: а как быть с исследованиями о связях Руси с Англией акад. М. П. Алексеева, с Францией — А. П. Дробинского, с Венгрией — В. П. Шушарина, с Германией — С. П. Розанова, М. Э. Шайтана, со Швецией, Норвегией и Данией — Е. А. Рыдзевской, И. П. Шаскольского; что делать с многочисленными историко-археологическими трудами о торговых сношениях акад. Б. А. Рыбакова, Г. Ф. Корзухиной, Н. Н. Воронина, В. П. Даркевича; как поступить с прекрасными нумизматическими штудиями В. М. Потина, с генеалогическими наблюдениями чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина? Не слишком ли многое упущено? К тому же историография международных связей многосторонняя, и мы не пойдем ее без ра-

¹³ G. Stökl. Das Bild...

¹⁴ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). Т. II. СПб. 1908, стб. 428.

¹⁵ G. Stökl. Das Bild..., S. 8; ср. S. 22.

¹⁶ Ibid., S. 14.

¹⁷ Ibid., S. 8.

бот Б. Видера — о взаимоотношениях Руси с Германией, Д. Дьерффи, И. Перени, Э. Ледерер — о взаимоотношениях с Венгрией, и т. д.

Первый, на кого обратил внимание в Киеве Г. Штёкль, — это митрополит грек Иоанн II, враждебно относившийся к католической церкви. Этого оказалось достаточным, чтобы автор проникся мыслью о византийском идейном господстве на Руси и в отношениях последней с католическими державами Европы¹⁸. На первых же страницах «Повести временных лет» он нашел «скорее византийские, чем русские представления и, по крайней мере, картину мира с сильным отпечатком на ней Византии»¹⁹, который сохраняется вплоть до падения Константинополя, когда якобы «латинский Запад, как таковой, попал в поле зрения русских летописцев»²⁰. Здесь автор несколько поторопился, и на его труде сказано то, что сам он в другой работе назвал «нетерпеливостью», стремлением «сделать второй шаг раньше первого». Верно ли, что картина мира в «Повести временных лет» имеет византийский облик? Каждый, кто прочтет «Повесть», убедится, что главное в ней для летописца не Византия, а Русь с подвластными ей народами, ее могущество и слава. Да, летопись содержит богатейшие, с умом подобранные сведения о Византии, и, разумеется, не случайно появление Руси в качестве самостоятельного государства («нача ся прозываети Руска земля»), она подкрепляет ссылкой на хронику времен императора Михаила III (842—867) («яко при сем цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи гречьстемь») ²¹. Русский переводчик греческой хроники «Продолжателя Амартола» имел все основания напомнить о страшном для Византии древнерусском походе 860 г., ярко отраженном и в других источниках²². Поэтому, прежде чем говорить о византийском церковном влиянии на Русь, Г. Штёклю следовало бы задуматься о том, как сама Византия представлена в летописях. Одно дело — писания греков-митрополитов, другое — внешняя политика.

Общеизвестные (и в основном прогрессивные) русско-византийские идейные связи Г. Штёкль попытался представить как свидетельство политической, особенно внешнеполитической, зависимости Киева от Константинополя. Он не хочет видеть, что Русь и в рамках общей с Византией идеологии (кстати сказать, философская основа этой идеологии, во всяком случае, не уступала католицизму) самостоятельно решала свои внешнеполитические задачи. Взаимоотношения с Византией, восходящие к седой старине, были важной составной частью этой политики. Древнерусское государство, и это ясно видно из летописи, складывалось, крепло, формировало свои границы, обеспечивало свои внешнеполитические и внешнеторговые права, наконец, добивалось суверенной христианизации, преодолевая упорное противодействие Византии. В летописи можно найти столь же продуманное освещение истории Польши, Венгрии, Болгарии, Чехии и других стран, интересовавших Киев в пору составления первых летописных сводов.

Таковы факты. А теперь вернемся к Г. Штёклю. Как это часто бывает с остфоршерами, он, начав искать в летописях «Запад», стал разыскивать Германию. Нашел он меньше, чем можно было бы, причем на поисках сказалось то, что он сам в другой статье назвал отсутствием «духовной тренировки». В данном случае не достало терпеливого умения расчленять тексты летописных редакций и находить взаимосвязь содер-

¹⁸ Ibid., S. 10—12.

¹⁹ Ibid., S. 16.

²⁰ Ibid., S. 17.

²¹ «Повесть временных лет» (ПВЛ). Ч. I. М.-Л. 1950, стр. 17.

²² ПВЛ. Ч. II. М.-Л. 1950, стр. 247; Photios. Epistolarum. Epist. XII. Patrologiae Graecae (PG). Ed. J. P. Migne. T. 102, col. 735—738; Nicetas Paphlagonis. Vita Ignatii. PG. T. 105, col. 516; Theophanes Continuatus. Ed. J. Bekker. Bonnæ. 1838, lib. IV, De Michaele Theophili filio, cap. 33, p. 196.

жащихся в них известий об отдельных державах Европы и Азии, а отнюдь не о «Западе» вообще, ибо такого политического понятия не существовало и руководителям государственной политики Древней Руси не приходилось с ним сталкиваться. Впрочем, не было не только единого «Запада», но и на Руси единой летописи. Летописцы были тенденциозны вовсе не вследствие византийской цензуры, а потому, что принадлежали к соперничавшим политическим центрам сперва Верхней (Новгород) и Нижней (Киев) Руси, а позднее, с переходом к феодальной раздробленности и установлением политического полицентризма, — к враждовавшим группировкам князей, которые имели несхожие внешнеполитические курсы. Наконец, с принятием христианства менялась трактовка взаимоотношений Руси с языческим, православным, мусульманским и католическим мирами; с последним — не столько после раскола 1054 г., сколько с началом в XIII в. крестового похода на русские и подвластные им земли. Словом, прежде всего политический, а затем и церковный партикуляризм сказался на кругозоре летописцев. То, что заинтересовало Г. Штёкля, было для них в лучшем случае одним из средств прославления князя или церкви; будничная дипломатическая работа текла где-то рядом, лишь изредка смыкаясь с летописной. Но когда это происходило, мы встречаемся с такими поразительными страницами, как те, что посвящены договорам с православной Византией (907, 911, 944, 957, 971 гг.)²³, с католической Венгрией (1149—1151 гг.)²⁴ и Польшей (1149, 1230 гг.)²⁵, с языческой Литвой (1219 г.)²⁶.

Всего этого не заметил автор, зато он удивленно развел руками, не найдя в летописи упоминаний об Оттоне I, к которому Ольга отправляла послов; Генрихе IV — зяте Всеволода Ярославича; Конраде III, который будто бы поддерживал Юрия Долгорукого в борьбе за Киев; Фридрихе I, якобы сносившемся с Андреем Боголюбским²⁷. Но ведь на все эти факты (верные лишь отчасти) русские летописцы смотрели по-иному, чем имперские хронисты, искавшие исторические примеры для прославления восточной «миссии» или описания богатых даров, полученных императорами от посольств из Древней Руси. В самом деле, что могло побудить древнерусских книжников писать о посольстве Оттона I, если оно, не оставив следов в политике, с конфузом покинуло Русь (962 г.)²⁸. Что могли они извлечь из описания действий Евпраксии Всеволодовны, опозоренной Генрихом IV, которого она при поддержке папы Урбана IV осудила на громких соборах в Констанце и Пьяченце (1095 г.)²⁹; зачем было летописцу писать о Конраде III, при котором Русь длительное время находилась в торговом конфликте с Германией³⁰; надо удивляться, что летопись дважды пишет о Фридрихе I Барбароссе, против которого воевали союзные Польше и Венгрии русские войска³¹. Средневековая летопись не «Der Spiegel», а придворная хроника. То, что мило сердцу Г. Штёкля, было, видимо, чуждо ее составителям и читателям. И поэтому понятно, что три страны — Польша, Венгрия и Чехия — «лучше отражены»³² в летописи, нежели Германия. Во всяком случае, византийское влияние тут ни при чем. Г. Штёкль не заметил и

²³ ПВЛ. Ч. I, стр. 24, 25, 34, 44, 52.

²⁴ ПСРЛ. Т. II, стб. 384, 405—408, 414—416, 420—421, 446, 450.

²⁵ Там же, стб. 387—388.

²⁶ Там же, стб. 757.

²⁷ G. Stöckl. Das Bild..., S. 17—18.

²⁸ «Codex diplomaticus Brandenburgensis». Ed. A. F. Riedel. T. VII. B. 1847, № 7, p. 97.

²⁹ «Annales ecclesiastici». T. X, col. 669.

³⁰ «Monumenta Germaniae Historica». Scriptores (MGH SS). T. XX, p. 364—365 (1142—1145 гг.).

³¹ ПСРЛ. Т. II, стб. 666, 668. «Monumenta Poloniae Historica». T. II, p. 21—22; MGH SS. T. XX, p. 418.

³² G. Stöckl. Das Bild..., S. 23.

другого. В пору феодальной раздробленности единству внешней политики Руси пришел конец. В XII в. сложились противостоящие друг другу группировки князей, а также городов, когда смоленско-волынские князья были в союзе с Венгрией (и, видимо, с Сицилией) и враждовали с Византией³³, а в союзе с Польшей воевали против Германии³⁴; напротив, суздальские и галицкие князья поддерживали связи с Византией и Германией. Из этого всего Г. Штёкль уловил, что Галицко-Волынское княжество «давно шло своим собственным путем, тесно связанным с Западом»³⁵. Беда Г. Штёкля в том, что он европоцентрист, точнее, германоцентрист.

Если в истории внешней политики Германии он видит «закономерное» наступление на славянский Восток и на итальянский Юг, то в своих оценках действий Руси он не поднимается выше разрозненных сведений, кое-как извлеченных из летописи. Русско-венгерские отношения — важнейший фактор международных отношений раннего средневековья — так выглядят под пером Г. Штёкля: «И в эту страну бежали изгнанные русские князья, и на стороне венгерских королей находим мы русских принцесс»³⁶. Лучше бы автору не касаться русских принцесс, которые блистали своими дарованиями на дипломатическом поприще именно в католических странах, как видно, не обратив внимания на (доверчиво воспринятые Г. Штёклем) наставления митрополита Иоанна II «чуждаться всего иноверного. В самом деле, средневековая Европа знает, помимо Ольги, с большим посольством (свыше ста человек) посещавшей Константинополь³⁷, королеву-регентшу Франции Анну Ярославну³⁸; участницу борьбы Вельфов со Штауфенами императрицу Германии Евпраксию Всеволодовну³⁹; королеву Славии, советницу своего мужа бодричского Кнута Лаварда Ингеборг Мстиславну⁴⁰; поборницу политического единства страны, противницу провизантийской группировки королеву Венгрии Евфросинью Мстиславну⁴¹; галицко-волынскую княгиню-регентшу Анну, заключавшую договоры с Польшей, Венгрией и Литвой⁴²; регентшу Малой Польши луцкую княгиню Гремиславу Ингваровну⁴³. Число подобных примеров можно умножить, между тем о большинстве из них ничего нет в летописи, как не отражены в ней, впрочем, и многие брачные союзы русских князей с византийским императорским домом.

Стоило бы Г. Штёклю обратить внимание и на хроники других стран. Тенденциозность русских летописей вовсе не исключение. Разве сами греческие хронисты достоверно отразили жизнь православной и католической частей Европы, разве рьяный католик датский хронист Саксон Грамматик удовлетворит Г. Штёкля своим освещением деятельности того же Фридриха Барбароссы; разве воинствующие хронисты крестовых походов верно изобразили жизнь хорошо знакомых им арабского⁴⁴ и прибалтийско-славянского миров? Ведь и епископ Бруно, посетивший Русь в 1008 г., дал в своем письме Генриху II⁴⁵ весьма неполные сведе-

³³ ПСРЛ. Т. II, стб. 420—421.

³⁴ «Gallus Anonimus». Lib. II, cap. 36, 38; lib. III, cap. 2, 15—16; ПВЛ. Ч. I, стр. 186.

³⁵ G. Stöckl. Das Bild..., S. 15.

³⁶ Ibid., S. 23.

³⁷ Constantinus. De Ceremoniis, lib. II, cap. 15.

³⁸ «Recueil des actes de Philippe Ie», p. XV—XXIII, CVII, CXXXIV.

³⁹ MGH SS. T. VI, p. 207.

⁴⁰ Helmoldus. Chronica Slavorum, lid. I, cap. 50.

⁴¹ «Codex diplomaticus Hungariae». (GDH). Ed. G. Fejér. T. II, pp. 167 (1165 г.), 182 (1169 г.).

⁴² ПСРЛ. Т. II, стб. 717, 721, 725, 727, 735—736.

⁴³ «Codex diplomaticus Malopolski». T. I. Kraków. 1876, №№ 11—13, 27, 29, 31, 36, 40—41, 44 etc.

⁴⁴ М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов. М. 1966.

⁴⁵ Письмо Бруно см. в приложении к книге: W. Giesebrecht. Geschichte der deutschen Vorzeit. Bd. II. Braunschweig. 1885, S. 689—692.

ния о ней, даже не назвав по имени помогшего ему Владимира Свято-славича, видимо, считая, что «князь руссов, сильный своей державой и богатствами», хорошо известен императору. Почему вообще от древних летописцев Г. Штёкль требует такой полноты, если сам он столь многое упускает? Почему в хрониках Киева должно быть о Германии больше известий, чем в хрониках Бремена, Любека или Майнца о Руси?

Автор прекращает рассмотрение истории Древней Руси в самую тяжелую для нее пору, когда под мечами крестоносцев в одном конце Европы пал Константинополь (1204 г.), в другом — немецкие рыцари захватили Таллин (1219 г.) и Тарту (1224 г.); они опустошали земли Латвии, Эстонии, вторглись в Литву, угрожали независимости Руси. Татаро-монгольское нашествие и разорение ослабили Русь и пагубно сказались на ее международном положении. Коренные перемены отразились и на летописании. Заметил их и Г. Штёкль: «Все это не осталось без влияния на мир представлений и политические установки русских хронистов»; из увиденного автор выбрал «некоторые, особенно разительные, примеры»⁴⁶.

Сперва Г. Штёкль обратился к Галичу, где сделал два наблюдения. Первое: «Действительность западных латинских стран начала энергично вторгаться в галицкую летопись»⁴⁷. Но иначе и быть не могло. Ведь после гибели Романа Мстиславича во время похода на Саксонию⁴⁸ Юго-Западную Русь охватила сорокалетняя внутренняя война, которой воспользовались Польша, Венгрия и Литва; их войска вторгались на Русь, а вместе с ними «латинская» и языческая действительность вторгалась в летопись. Искать тут тяготения к «Западу» не приходится. Второе: эта летопись «поразительно свободна от вероисповедной злопамятности»⁴⁹. Ничего поразительного тут нет. Содержание галицкой и волинской летописей XI—XII вв., отраженное в киевской летописи 1237 г., свидетельствует об их княжеском, то есть более светском, характере. В волинской летописи, содержащей дипломатические документы княжеского архива Изяслава Мстиславича⁵⁰, читаем, например, такой отрывок из польско-венгерской грамоты, адресованной Юрию Долгорукому: «Вы нам есте в отца место... а мы есмы по бозе все крестьяне (то есть христиане.— В. П.), одна братья себе, а нам подобает всем быти съ себе»⁵¹. Здесь примечательно полное отсутствие религиозной нетерпимости в русско-польско-венгерской княжеской среде. Удивительным это может показаться лишь человеку, связавшему себя мыслью о византийском засилье. В жизни этого не было. Но, говоря об отсутствии в галицко-волинской летописи церковного налета, надо не забывать, что в целом она пронизана духом православного провиденциализма, и если бы Г. Штёкль дал себе труд прочитать ее до конца, то увидел бы, как резко усилилась в ней церковная идеология, что особенно сказалось на описании княжения Владимира Васильковича⁵². Никакого тяготения к «Западу» там нет.

Рассматривая историю Древней Руси, Г. Штёкль обошел вниманием Дорогичин, а жаль: ведь именно здесь князь Даниил разбил и взял в плен немецкого магистра Бруно и его добжинских меченосцев (1237 г.), а «поразительно близкий» «Западу» летописец привел слова князя: «Не лепо есть держати наше отчины крижевникомъ (то есть

⁴⁶ G. Stökl. Das Bild..., S. 26.

⁴⁷ Ibid, S. 28.

⁴⁸ MGH SS. T. XXIII, p. 885.

⁴⁹ G. Stökl. Das Bild..., S. 28.

⁵⁰ См. Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. М. 1963, стр. 316 и сл.

⁵¹ ПСРЛ. Т. II, стб. 387—388 (1149 г.).

⁵² Там же, стб. 920—927.

крестonosцам.— В. П.) тепличем (то есть темплиерам.— В. П.), рекомым соломоничем (от их храма в Иерусалиме.— В. П.)»⁵³.

После Галича Г. Штёкль обращается к событиям, происходившим в Смоленске, Пскове и Новгороде. Тогда эти земли опасались угрозы грабительского вторжения немецких рыцарей, заливших кровью Восточную Прибалтику, или, как тонко выражается Г. Штёкль: «Появление немецкого священника, рыцаря и бюргера в Ливонии наполнило для русских понятие «немцы» новым содержанием»⁵⁴. Известно, что Орден и Ганза, захватив польско-прусское Поморье, старались блокировать торговлю Руси по Балтийскому морю. Автор же обходит вопрос о немецкой агрессии, он лишь констатирует, что ливонские рыцари, чьи нападения приходилось Руси «в первое время отбивать», представляли собой «стабильную соседнюю реальность»⁵⁵. Г. Штёкль почему-то забыл, что отбивать нападения рыцарей приходилось не только первое время: русско-немецкие договоры 1269 и последующих годов ясно свидетельствуют об агрессивной сущности этой «стабильной реальности». В столь же пастельных тонах рисует автор ганзейскую торговую блокаду — отношения были «местными и односторонними: регулярному появлению немецких купцов в Новгороде не соответствовали столь же частые поездки новгородских купцов в ганзейские города»⁵⁶. О том, что новгородские, псковские, смоленские, полоцкие договоры отражают вековую борьбу русских городов с засильем Ордена и Ганзы, Г. Штёкль не упоминает.

Всякому ясно, что в этих условиях трудно ожидать от новгородской и псковской летописей известий о «Западе». Это на свой манер отметил и Г. Штёкль: «Новгородская и псковская летописи, когда в них называются немцы, вовсе не были склонны к познанию русских представлений о Западе»⁵⁷. Словно когда-либо существовали на Руси летописи с такими странными склонностями! И вот этих летописцев Северо-Западной Руси, отрезанной Орденом и Ганзой от других стран Европы, Г. Штёкль и обличает в отрицательном отношении к «Западу» на том «основании», что Любек упомянут ими лишь в 1390 г.⁵⁸ (игнорируя, кстати, то, что он фигурирует в Смоленском договоре 1229 г.)⁵⁹, Пруссия — в 1410 г. (относя к «западной» склонности описание волынской летописью участия русских князей в борьбе за Пруссию в 1248—1258 гг. и сведения о бегстве пруссов из-под власти Ордена в Литву и поселении их на Руси в 1276 г.)⁶⁰, Англия — в 1555 году⁶¹.

Г. Штёкль маскирует пагубную для европейских связей Руси роль Ордена и Ганзы, делает очередную в Остфоршунге попытку обелить их. Он осведомлен о выводах советской историографии, которая, как пишет автор, доказывает, что «нападения шведов и рыцарей Ордена непосредственно после (не после, а в разгар.— В. П.) катастрофы монгольского нашествия были ударом кинжала в спину; советские историки видят (в источниках.— В. П.) направленный против Руси международный заговор реакционных держав того времени — папства и немецкой империи»⁶². Г. Штёкль с этими выводами не согласен, но, облегчая себе полемичку, он обходит вопрос о прямых источниках и фактах и обращается

⁵³ Там же, стб. 776.

⁵⁴ G. Stöckl. Das Bild..., S. 25.

⁵⁵ Ibid., S. 29.

⁵⁶ Ibid., S. 29, 30. Автор пишет о «монопольном положении Ганзы».

⁵⁷ Ibid., S. 29.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ «Памятники русского права». Подгот. А. А. Зимин. Вып. 2. М. 1953, стр.

64—65.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. II, стб. 874.

⁶¹ G. Stöckl. Das Bild..., S. 15.

⁶² Ibid., S. 31.

к косвенным. «Нет необходимости вдаваться в то, насколько допускают реальные политические события такую интерпретацию, важнее узнать, в какой мере отдавали себе в ней отчет русские современники и непосредственные потомки»⁶³. Послушать Г. Штёкля, так выходит, что на Руси чуть ли не радушно встретили немецких крестоносцев. А ведь в новгородской летописи ясно сказано, что вторжение крестоносцев — «зло», что они ограбили землю так, что «нельзя бже орати по селом и нечим»⁶⁴. Автор ссылается на отсутствие в новгородской летописи панегирических записей о победах войск Александра Невского над рыцарями. Но ведь летопись проникнута антисуздалским духом вообще, а князь Александр, о чем определенно свидетельствуют договоры (1264—1327 гг.), остался надолго в памяти местных властей как боярский притеснитель⁶⁵. Впрочем, о его победном договоре с Орденом новгородская летопись все же помнила еще дольше (1420 г.)⁶⁶. Доводы Г. Штёкля не убедят советских историков: в их руках огромное количество русских, имперских, орденовских, папских и других документов, порожденных немецкой агрессией за Одру, Вислу, Неман, Двину и, наконец, за Нарову.

Переходя к рассмотрению положения Москвы, Г. Штёкль привычно бросает взгляд на ворота и обнаруживает, что тут «не было уже ни Польских ворот, как в Киеве, ни Немецких, как в Галиче, ни немецкого двора св. Петра, как в Новгороде»⁶⁷. Здесь бы ему и сказать о тяжелых для Московского княжества последствиях, вызванных ударами Золотой Орды с Востока и Ордена, Литвы, Польши, Венгрии — с Запада. Но и на этот раз автор обходит причины, чтобы удивительнее казались следствия: «Причин московской изоляции здесь не стоит подробнее касаться, но нужно установить ее наличие, как это совершенно бесспорно является из летописей»⁶⁸. И следуют формальные прагматические записи о том, что для «московского летописания» XIV — начала XV в. «не существовало ни немецкой середины Запада, ни его западных, ни южных частей»⁶⁹. Раннее московское княжеское и митрополичье летописание — своеобразный источник, в котором международный горизонт сужен. И не удивительно: мало тогда было международных событий, о которых можно было упомянуть к вящей славе митрополии. Летопись изобилует записями о жестоких набегах Орды, голоде и эпидемиях. В лучшем случае она отмечает перемены в церковно-политических судьбах южно-русских земель на Волыни (1349 г.), западнорусских в Литве (1387 г.) да важнейшие вехи русско-литовских дипломатических сношений. Впрочем, о немецкой «восточной части» летопись все же не забыла⁷⁰, поместив известия о борьбе литовцев с Тевтонским орденом⁷¹ и совместной антиорденской акции Литвы и Руси (1396 г.)⁷². Г. Штёкль не вдается в эти детали, ему русские летописи все на одно лицо. Одержимый предвзятой идеей о византийской цензуре, он записал свое общее впечатление от Москвы: «Греческая основа русского представления о мире здесь, конечно, опять налицо», но уж былое «соседство» Запада «отсутствует»⁷³.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ «Новгородская первая летопись» (НПЛ). М.-Л. 1950, стр. 77—78.

⁶⁵ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». Изд. С. Н. Валк. М.-Л. 1949, №№1—3, 5, 14.

⁶⁶ НПЛ, стр. 413.

⁶⁷ G. Stöckl. Das Bild..., S. 34.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 95; т. XXV, стр. 185, 221; Л. В. Черепнин. Отражение международной жизни XIV — начала XV в. в московском летописании. «Международные связи России до XVII в.». Сборник статей. М. 1961.

⁷¹ Там же.

⁷² ПСРЛ. Т. XXV, стр. 227; Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 253.

⁷³ G. Stöckl. Das Bild..., S. 34.

Последующая духовная жизнь России определялась, по Г. Штёклю, не экономическим и политическим возрождением страны, а упадком Византии. Впрочем, и с падением Византии «отнюдь не прекратилось влияние византийской мысли на русское (бессловное? — В. П.) отношение к Западу», хотя «представление москвичей о нем заметно модифицировалось, как вычитываем из летописей XV—XVI вв.»⁷⁴. Г. Штёкль так углубился в летописи, что не заметил ни свержения ига Орды (1480 г.), ни начала высвобождения русских земель из-под власти Литвы, ни успехов в борьбе с Орденом, ни закрытия ганзейского двора в Новгороде (1494 г.), а ограничился летописным известием о русско-венгерском и русско-немецком договорах (1490 г.). В заключении их он увидел начало «новой фазы русских отношений с Западом», «новую дипломатическую игру»⁷⁵. Таков плод прагматического подхода к летописанию, когда оно рассматривается вне анализа других источников, вне определявших его суть взаимоотношений государства и церкви, а берется формально-схоластически — для освещения отношений между Русью и пресловутым «Западом».

Русское правительство, как известно, широко использовало у себя на службе иностранных дипломатов (впрочем, так же поступали правительства Польши, Венгрии и других стран). Это дало новый повод Г. Штёклю порассуждать об итальянских и греческих истоках «простирающейся на Запад московской внешней политики»⁷⁶, которая, впрочем, лишь едва достигла Англии и Испании⁷⁷. О том, «как мешкала Московская Россия на пути в Европу»⁷⁸, видно якобы из того, что самый термин «Европа» впервые появился лишь у Нестора Искандера в 1453 г.⁷⁹ (что «Европу» знала уже Древняя Русь⁸⁰ Г. Штёклю, видимо, неизвестно). Этими упреками России, истерзанной двухсотлетним игом и враждой соседних католических держав Европы, закончил свой доклад Г. Штёкль.

Доклад Г. Штёкля — разительный пример творческой практики источникововедения, основанной на современной буржуазной философии истории с ее прагматической «теорией ценностей», с ее потребительским отбором «экзистенциальных истин», с ее креном в теологию и эсхатологию⁸¹. Г. Штёкль, как мы видели (и еще увидим ниже), порывает с общепризнанными нормами источникововедения: во-первых, он берет не все факты, а лишь те, что кажутся ему подходящими; во-вторых, он задает источнику вопросы, не задумываясь о сути источника и его пригодности для ответа на них. Согласно мифологии, Фонс — бог источников — был сыном Януса и, видимо, унаследовал от отца его сложный облик. Слишком простой подход к источнику всегда оборачивается простоватостью. Впрочем, и в ФРГ есть ученые, отдающие себе в этом отчет. Например, известный медиевист Л. Мюллер. Он отнюдь не марксист, но в своих летописных исследованиях исходит прежде всего из анализа источника. Специалисты знают, сколь это трудоемко. Зато целый ряд выводов Л. Мюллера, относящихся к Древней Руси⁸², заслуживает внимания и

⁷⁴ Ibid., S. 22. Как не было единого «Запада», так не было и единого «русского» отношения к нему.

⁷⁵ Ibid., S. 34.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid., S. 38.

⁷⁸ Ibid., S. 42.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. VII, стр. 239—240; т. VIII, стр. 125.

⁸⁰ См. В. М. Истрии. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I (текст). Пгг. 1920, стр. 37; ср. Leo Diaconus. Historia, lib. VI, cap. 10.

⁸¹ См. В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография (Проблемы новейшей истории). М. 1966, стр. 16—17 (Автореферат докторской диссертации).

⁸² L. Müller. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. «Osteuropa und der deutsche Osten». Bd. III. Köln-Braunsfeld. 1959.

одобрения. Примечательно, что Л. Мюллер осуждает попытки реваншистов фальсифицировать источники. Когда проф. Штеллер сделал это ради подкрепления немецких прав на «восточные области», Л. Мюллер напомнил ему, что «исторические факты не следует искажать, даже когда они оказываются политически неудобными»⁸³.

О занимающей нас книге Л. Мюллер написал весьма критический отзыв, заканчивающийся словами: «Дискуссии часто проходят подобным образом. Но обычно их в полном объеме не публикуют. И хорошо делают»⁸⁴.

Г. Штёкль отвечает на вопросы дюссельдорфцев

Когда Г. Штёкль завершил свой доклад о русском средневековье, дюссельдорфцы засыпали его вопросами, наивность которых можно сравнить разве только с самоуверенностью ответов на них. Общее впечатление о Руси у слушателей сложилось скверное. Его выразил статсекретарь Л. Брандт: «Вы сообщили, что летописи — практически единственный исторический источник, к которому можно обращаться. Вы нам убедительно доложили, что они дают одностороннее представление; они там (на Руси.— В. П.) ушли в себя» (*abgekapselt* — замкнулись)⁸⁵. Однако ныне, после нумизматических и археологических исследований советских ученых В. М. Потина и В. П. Даркевича⁸⁶, нелепость этого заявления особенно очевидна: ареал монет и предметов ремесла, найденных на Руси, фактически охватывает все страны Европы⁸⁷. М. Браубах тоже понял дело так, что «для исследования дипломатических отношений русские летописи содержат, видимо, мало полезного»⁸⁸. М. Хеллманн подлил масла в огонь, добавив, что на Руси «существовал фильтр, через который проходили все сообщения, все известия с Запада»⁸⁹, что и взятое из византийских хроник тоже «цензурировалось»⁹⁰. Г. Штёкля спросили, «с какого времени существуют в России дипломатические акты», он пояснил: «Документы начинаются с XIII в.», а «дипломатические акты стали играть роль как источник» с конца XV века⁹¹. А мы-то полагали, что договоры с греками X в.— документы, что грамоты из архивов киевских и волынских князей, включенные в летопись в XI—XII вв., уже играют роль источников, что уцелевший фонд новгородских грамот восходит к XII веку!

Пытаясь из мрачного доклада Г. Штёкля понять, почему это Русь так отгородилась, Т. Шиффер высказал догадку о влиянии крестовых походов на Русь. Но Штёкль решительно возразил: «Крестовые походы не затронули русскую сферу ни внешне, ни внутренне»⁹². Т. Шиффер промолчал, а зря: он мог бы возразить, что русские летописи упоминают о первом и третьем крестовых походах⁹³, что во втором походе 1147 г. русское войско вместе с польским ходило в сторону Поморья⁹⁴, что через Русь в 1158 г. из второго похода возвращался чешский король Владислав II⁹⁵, что французский король Людовик VII, когда шел во

⁸³ L. Müller. «Ostholstein-slawisch»? «Schleswig—Holstein». November, 1960, S. 292—293.

⁸⁴ «Österreichische Osthefte», Jg. 9, Heft 6. Wien. 1967, S. 507.

⁸⁵ G. Stöckl. Das Bild..., S. 51.

⁸⁶ В. М. Потин. Экономические связи Древней Руси по материалам кладов западноевропейских монет. Л. 1968; В. П. Даркевич. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X—XIV вв.). М. 1966.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ См. G. Stöckl. Das Bild..., S. 61.

⁸⁹ Ibid., S. 49.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid., S. 61.

⁹² Ibid., S. 51.

⁹³ ПВЛ. Ч. I, стр. 60; ПСРЛ. Т. II, стб. 688.

⁹⁴ «Annales Magdeburgenses». MGH SS. T.XVI, p. 188.

⁹⁵ «Fontes Rerum Bohemicarum» (FRB). Т. II. Praha. 1874, p. 418.

второй поход через Венгрию, стал восприемником первенца Евфросиньи Мстиславны, жены союзного Киеву короля Гёзы II...⁹⁶. Зашла речь и об образовании на Руси. Г. Штёкль уверял, что на Руси «едва ли многому учили и многое изучали»⁹⁷. К сожалению, никто из дюссельдорфцев не напомнил ему, что Иларион читал свои проповеди перед людьми, «преизлиха насыщешемся сладости книжные»⁹⁸, что князь Всеволод Ярославич, по свидетельству Мономаха, «дома сея изучеяши (изучил.— В. П.) 5 язык» и сам Владимир считал изучение чужеземных языков важным именно во внешнеполитическом плане: «в том бо честь есть от инех земель»⁹⁹. Г. Штёкль добавил, что русские умели переписывать книги, но не на классических языках, а лишь те, «что были переведены на староцерковно-славянский»¹⁰⁰. Русский митрополит «книжник и философ» Климент думал иначе, когда утверждал, что располагает сотрудниками, понимающими толк в греческих словарях¹⁰¹; знатоки древнееврейской культуры свидетельствуют о высоком переводческом искусстве на Руси, где сохранились следы даже кумранской письменности¹⁰².

Г. Штёкль поведал далее, что столкнулся на Руси «с большими отличиями от западного образования» в том смысле, что летописец «рассказывает, а не рассуждает» (*spekuliert*)¹⁰³. Бывало и такое: летописцы исходили иногда из формулы: «Да разумеешь, иже чтешь»,— но и для Г. Штёкля у них находились тексты, например, рассуждение о третьем крестовом походе Фридриха I («Иде царь немецкий со всею своею землею битися за гроб господен» и т. д.), уподобляющее Германию Руси, а арабов — половцам¹⁰⁴.

Когда Г. Штёкль заявил, что «в Московской России не существовало ни гуманизма, ни Ренессанса, ни реформации, ни контрреформации» и того, что они дали образованию¹⁰⁵, то не выдержал управляющий министерством В. Хаугг и напомнил, что «русская церковь особенно внимательно следила за началом реформации», сносилась с Ф. Меланхтоном (1497—1560), что существовала, наконец, «высокоразвитая русская теология». Здесь и М. Хеллманн счел нужным остеречь докладчика, сказав, что в монастырях было «много образовательного материала», среди духовенства были противоречия и рассматривать церковь «как нечто статическое», пожалуй, не стоит¹⁰⁶. Г. Штёкль и это отверг; он отказался говорить об «особом интересе» русской церкви «к событиям реформации», ибо «Москва была все еще далека от Европы» и даже имя Лютера «всплывает в русских летописях впервые лишь в 1570 г.»¹⁰⁷, что касается платонизма, то учение это в Москву привез и пытался там развивать Максим Грек, пока его не сослали в отдаленный монастырь¹⁰⁸.

⁹⁶ «Scriptores Rerum Hungaricarum» (SRH). Vol. I. Budapest. 1937, p. 458.

⁹⁷ G. Stökl. Das Bild..., S. 55.

⁹⁸ Иларион. О законе и благодати. «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы». Вып. I. СПб. 1894, стр. 60.

⁹⁹ ПВЛ. Ч. I, стр. 158.

¹⁰⁰ G. Stökl. Das Bild..., S. 57.

¹⁰¹ См. Н. К. Никольский. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича. СПб. 1892, стр. 126—127.

¹⁰² Н. А. Мещерский. Искусство перевода Киевской Руси. «Труды» Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ТОДРЛ). Т. XV. 1958, стр. 54—72; его же. Следы памятников Кумрана в старославянской и древнерусской литературе. ТОДРЛ. Т. XIX. 1963, стр. 130—147.

¹⁰³ G. Stökl. Das Bild..., S. 55.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. II, стр. 688 (1190 г.).

¹⁰⁵ G. Stökl. Das Bild..., S. 55.

¹⁰⁶ Ibid., S. 59.

¹⁰⁷ Ibid., S. 60.

¹⁰⁸ Ibid., S. 64.

Эти заявления Г. Штёкля противоречат источникам, достаточно полно рассмотренным в трудах А. А. Зимина, Н. А. Казаковой, А. И. Клибанова, Я. С. Лурье и др. Максим Грек не только не привез платонизма в Россию (что показал уже Б. Шульце¹⁰⁹), он вообще противодействовал распространению тех идей Возрождения, которые здесь застал¹¹⁰. И судьба его под пером Г. Штёкля искажена: ведь Максим Грек был одним из идеологов «правительства компромисса»¹¹¹; к нему обращался сам Иван Грозный с просьбой выступить против ереси Матвея Башкина. Изображение Максима Грека находим во фресковой росписи галереи Благовещенского собора (1563—1564) Московского Кремля рядом с знаменитыми философами древности¹¹². Г. Штёкль повернул спиной к великим возмутителям общественного спокойствия России — к стригольникам и нестяжателям, к Нилу Сорскому, Феодосию Косому, Вассиану Патрикееву¹¹³ с их смелым недоверием к основам церковной и светской мысли, с их гуманистическим призывом: *ad fontes!*¹¹⁴. Спекулятивная философия (например, переводы неоплатоника Псевдо-Дионисия) была широко распространена на Руси еще в XIV веке. В самом раннем списке представлены как сочинения Псевдо-Дионисия, так и схолии к ним Максима Исповедника¹¹⁵. Борьба за секуляризацию земли и мысли глубоко волновала умы и порождала в русских условиях стремление у таких передовых людей, как Ф. И. Карпов¹¹⁶ и И. С. Пересветов¹¹⁷, к апологии просвещенного и мудрого монарха. Утверждения Г. Штёкля, что особенно любопытно, противоречат его собственным прежним оценкам¹¹⁸. Что это — срывы познания, зигзаги конъюнктуры или провалы памяти?

Словом, Г. Штёкль сильно потряс дюссельдорфцев своей эрудицией, а М. Хеллманн дал им понять, что это только цветочки. «Мы придем еще к совершенно поразительным результатам»¹¹⁹, — заявил он, а затем, видимо, подумав, добавил: «Мы стоим в начале, мы вовсе не можем ска-

¹⁰⁹ В. Schultze. Maxim Grek als Theologe. «Orientalia christiana analecta». Roma. 1963, № 167, S. 224—231, 331.

¹¹⁰ Я. С. Лурье. Элементы Возрождения на Руси в конце XV — первой половине XVI в. «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы». М. 1967, стр. 202.

¹¹¹ В. Ржигга. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ. Т. I. 1934, стр. 5—120.

¹¹² О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека. ТОДРЛ. Т. XV. 1958, стр. 301—309.

¹¹³ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.-Л. 1960.

¹¹⁴ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М. 1960; Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М.-Л. 1960, стр. 201; е го же. О судьбах переводной беллетристики в России и у западных славян в XV—XVI вв. «Славянские литературы». М. 1963, стр. 75; F. Lilienfeld. Vorboten und Träger des «Humanismus» in Russland Ivans III. «Renaissance und Humanismus in Mittel- und Osteuropa». В. 1962, S. 387—395.

¹¹⁵ См. Леонид. Сведения о славянских рукописях... из библиотеки Троицкой Сергиевой Лавры. Вып. II. М. 1887, стр. 127; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в., стр. 316, 317, 325; Н. Koch. Pseudo-Dionisius Areopagite in seiner Beziehungen zum Neoplatonismus und Mysterienwesen. Mainz. 1900; R. Rognes. L'univers Dionysien. Structure hiérarchique du monde selon le Pseudo-Denys Théologie. Etudes publiées sous la direction de la Faculté de Théologie S. Y. de Lyon-Fourvière, 29, 1954. Сведения о Максиме Греке и Псевдо-Дионисии получены мною благодаря любезной помощи Н. В. Симицыной.

¹¹⁶ Н. В. Симицына. Федор Иванович Карпов. Дипломат, публицист XVI в. М. 1966 (автореферат кандидатской диссертации).

¹¹⁷ А. А. Зимин. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. «Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов». М. 1963, стр. 91—119.

¹¹⁸ G. Stöckl. Das russische Mönchtum. «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Jbb. GO, Jg. 2, 1954, S. 121—135, ср. e jus d. Das Echo des Renaissance und Reformation in Moskauer Russland. Jbb. GO, Jg. 7, H. 2, 1959.

¹¹⁹ G. Stöckl. Das Bild..., S. 59.

зять, что из этого получится»¹²⁰. Пока получился конфуз, это уже ясно.

Из участников встречи лишь один И. Пипер попытался извлечь из доклада Штёкля некоторые политические выводы. Он, по-видимому, решил найти земное употребление своему теософическому заключению о том, что подлинный смысл истории раскрывается за ее пределами¹²¹, и спросил, вовсе ли исчезло древнерусское летописание «или еще существует подобие скрытой преемственности донные?», и пояснил: «Например, отгораживание от Запада и универсальные претензии царей...— действуют ли они еще как-нибудь скрытно, скажем, в советско-русском интернационализме?»¹²². Однако Штёкль не поддержал этого провинциального умозаключения о летописных истоках советского интернационализма. На том дискуссия и кончилась.

Г. Штёкль не зря уклонился от объятий Пипера. У него свой взгляд на уроки истории, на преемственность между русской древностью и советской современностью. Из ранее цитированной статьи мы узнаем, что описанная выше «непросвещенность» Руси, отсутствие в России «длящейся столетиями тренировки духа в критической рефлексии» и породили главное зло — склонность русских «к некритическому восприятию внешне привлекательных» идей¹²³ марксизма. Так летописная Русь получила свое место в ложной родословной Октябрьской революции.

Г. Штёкль утверждает, что «подавляющее большинство знаменитой русской интеллигенции» подпало «под обаяние духовных продуктов Запада» и вложило «весь свой священный мессианский пыл, который уже не находил себе места в системе православной государственной имперской церкви, в осуществление чуждых, некритически воспринятых идей»¹²⁴. Что Г. Штёклю до Радищева и декабристов, до письма Белинского к Гоголю и горькой оценки русскими демократами революций 1830 и 1848 гг., что ему до их страданий и тяжелых потерь, понесенных в поисках пролетарской революционной теории! Советская историческая наука успешно воссоздает этапы этого закономерного пути к революции. Для Г. Штёкля все это пустой звук. Он думает, что Октябрьская революция возникла потому, что русские революционеры «неправильно поняли Европу», «слишком всерьез» восприняли ее идеи, тогда как Европа столь же решительно разрушала свои «великолепные идеи», как и создавала, «отдавая в конце концов предпочтение прагматизму несовершенной свободы перед всеми небесными царствами идеологии»¹²⁵. Может быть, лично Г. Штёкль и доволен «прагматическим несовершенством свободы» в ФРГ и буржуазном мире, но к чему клеветать на наследников «красного фронта» Тельмана, «партии расстрелянных» Тореза и тысяч других, которые гибли и гибнут за «небесные царства идеологии»?

Октябрьская революция свершилась. Получился результат, который оказался «неудовлетворительным для Европы (автор не уточняет, чьей Европы — Круппа и Аубина или Либкнехта и Белы Куна.— В. П.) и трагическим для России (автор не добавляет — Гучкова и Милюкова.— В. П.), хотя (знаменитое в русской публицистике щедринское «хотя!» — В. П.) на этом основании нельзя интерпретировать Октябрьскую революцию как насильственный поворот в сторону Азии»¹²⁶. «Болезненно рефлексирывая» на рост могущества СССР, Г. Штёкль сформу-

¹²⁰ Ibid., S. 61.

¹²¹ Y. Pieper. Über das Ende der Zeit. Eine geschichtsphilosophische Mutation. München. 1959, S. 13, 78, 95.

¹²² G. Stöckl. Das Bild..., S. 54.

¹²³ G. Stöckl. Wie europäisch ist Russland, S. 593.

¹²⁴ Ibid.

¹²⁵ Ibid., S. 594.

¹²⁶ Ibid.

лировал вывод, что Россия представляет «крайнюю пограничную зону» Европы, но что принадлежность ее к Европе «не видна сразу простым глазом»¹²⁷. Зато «простым глазом» видно, что идея эта заимствована Г. Штёклем у одного из последних апостолов белой эмиграции, ныне покойного остфоршера Ф. А. Степуна, который откровенно писал: «Защита Европы от современного коммунизма возможна лишь при том условии, если в России видеть не азиатский форпост в Европе, а европейский в Азии»¹²⁸. За сомнительную честь быть признанной остфоршерами «Европой» Россия должна противостоять Азии. Тщетная затея. «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии»¹²⁹, — писал В. И. Ленин. Наша страна проводит политику мира и пролетарского интернационализма и в Европе и в Азии.

Остается добавить, что в дискуссии на ту же тему «Россия и Запад» (в ней приняли участие Г. Л. Робертс, М. Раеф и М. Шефтель), состоявшейся в США (такого рода совпадения в историографии ФРГ и США не редкость), более здравомыслящие люди не нашли смысла в абстрактном сопоставлении (и противопоставлении) «Запада» и «России», высказавшись за сравнительно-историческое изучение сходных исторических явлений¹³⁰. Да и в ФРГ раздаются голоса историков, ставящих под сомнение научную пользу такого формального подхода, считая «Запад» и «западный порядок» понятиями чрезвычайно пестрыми и малоподходящими для моделированного сравнительно-исторического изучения¹³¹.

В Остфоршунге происходят перемены. Встречая решительный отпор со стороны советской науки в сфере социально-экономической и внутривнутриполитической истории России, остфоршеры все деятельнее оперируют материалом общественно-политической мысли и международных отношений в своих попытках пропаганды антикоммунизма. Поэтому история внешней политики феодальной России, как и история идеологии (включая и развитие православной теологии), должна стать предметом углубленного изучения советских исследователей.

Г. Штёкль и развалин «интегральной» историографии

Прошло несколько лет. СССР отпраздновал свое пятидесятилетие. Восемнадцатую годовщину отметила ГДР. «Экономическое чудо» не сделало ФРГ центром «интегральной» Европы. Более того, само «чудо» и «интеграция» стали достоянием истории. Провалы политики реваншизма, рост нефашизма в ФРГ и угроза ее международной изоляции порождают настойчивые попытки боннских стратегов «размыть» единство социалистических стран Европы с помощью экономической, политической и культурной инфильтрации. С закатом интегральной политики уходит в небытие еще недавно столь шумная немецкая интегральная историография. Тому свидетельство и новая книга Г. Штёкля.

Сам в прошлом пастор, он призывает своих немецких соотечественников отвлечься от молитв ради размышлений, ибо понимает, что «горесть национальной катастрофы», пережитой Германией, «учит, пожалуй, молиться, но не обязательно думать»¹³². Нужно помнить о прош-

¹²⁷ Ibid., S. 591.

¹²⁸ F. A. Stepun. Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München. 1959, S. 74; ср. G. Rauch. Russland und Europa. «Aus Politik und Zeitgeschichte». Hamburg. 1959, S. 639—643.

¹²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 326.

¹³⁰ См. M. Raeff. Russians Perception of her Relationship with the West. «Slavic Review», 1964, Vol. 23, № 1, p. 19.

¹³¹ E. Nolte. Zur Konzeption der Nationalgeschichte heute. «Historische Zeitschrift», 1966, Bd. 202, H. 3, S. 618—619.

¹³² G. Stöckl. Osteuropa und die Deutschen. Geschichte und Gegenwart einer spannungsreichen Nachbarschaft, S. 184.

лом и размышлять о нем. Г. Штёкль решительно осуждает тех, кто помнит только разгром Германии и готов забыть причины, его вызвавшие. Ведь «история — одно целое», и «кто не хочет с этим считаться, будет наказан тем, что от него за непроницаемым туманом иллюзий и утопий будет скрыта реальность настоящего»¹³³. Притом Г. Штёкль подчеркивает особую ответственность историков за дела политиков. Приведя бредовые речи Гитлера о задачах натиска на Восток, Г. Штёкль пишет: «Эта фатальная смесь националистической спеси и вульгарного дарвинизма хотя и представляет собой плод ума фюрера, которому доверился народ поэтов и мыслителей, но отдельные компоненты» этой смеси «значительно старше» Гитлера,— и спрашивает: «Разве не был уже Вильгельм II убежден, что славяне созданы для подчинения и разве не немецкие историки уничтожающе осудили итальянские походы немецких императоров и искали политического исцеления Германии на Востоке»¹³⁴. Марксистско-ленинская наука уже давно вскрыла эту зловещную особенность немецкой буржуазной историографии. Теперь ее признал и Г. Штёкль.

Размышлять следует не только о недавнем времени, поскольку взаимоотношения «современных европейских народов», подчеркивает Штёкль, определяются «и впредь будут определяться их историческим прошлым, далеко отстоящие события которого часто имеют крупнейшее значение»¹³⁵. И он решает напомнить о ряде событий из истории взаимоотношений Германии с народами Восточной Европы, чтобы читатели задумались о современном состоянии этих отношений. Это необходимо сделать, ибо, в самом деле, «кто теперь пускается в размышления о том, почему все эти народы, в лучшем случае, испытывают двойственные чувства к немцам»¹³⁶.

Не касаясь всех вопросов, относящихся к славянству, обратимся главным образом к оценке Г. Штёклем немецко-русского прошлого, притом оговорим сразу же свое несогласие с принятым им социально-недифференцированным сопоставлением «немцев» и «славян» или «русских», тогда как ответственность за отношения между народами несли, понятно, правящие классы и отдельные их группы, сменявшиеся у кормила власти.

Автор подчеркивает, что славянский национализм — закономерное европейское явление¹³⁷, что в историографии он связан с национальным возрождением XIX века¹³⁸. Г. Штёкль отмечает, что тяготение славян к России имеет свои исторические корни, ибо те из них, которые получили независимость, сделали это с русской помощью¹³⁹; он сознает и другое, что антинемецкой заостренности славянского национализма содействовало угнетение славян австрийскими и немецкими правителями¹⁴⁰. Он, в частности, признает, что в Польше подобная национальная традиция «вполне независима от коммунизма» и имеет «солидные исторические причины», среди которых не последнее место принадлежит и односторонней немецкой трактовке польско-немецкого прошлого¹⁴¹. Говоря об истории немецко-русских отношений, Г. Штёкль делает ряд красноречивых признаний. Приведем важнейшие из них.

Норманизм. «Так называемое основание Древнерусского государства» не имеет «ничего общего с русско-немецкими отношениями»¹⁴².

¹³³ Ibid., S. 160.

¹³⁴ Ibid., S. 165.

¹³⁵ Ibid., S. 13.

¹³⁶ Ibid., S. 11.

¹³⁷ Ibid., S. 26.

¹³⁸ Ibid., S. 19, 62.

¹³⁹ Ibid., S. 16.

¹⁴⁰ Ibid., S. 21—22, 38.

¹⁴¹ Ibid., S. 34—35.

¹⁴² Ibid., S. 95.

Выступая против традиционной в буржуазной историографии идеализации варягов, автор иронически замечает: «Исходя из прямых свидетельств, вообще непонятно, почему так часто вызывает светлое восхищение установление в России достаточно насильственного даннического господства теми самыми викингами, от чьих набегов тяжело страдала Западная Европа». Впрочем, это восхищение, продолжает Г. Штёкль, «понятно лишь в том случае, когда мировую историю рассматривают как борьбу германской высшей расы против низших рас и прежде всего против славян»¹⁴³.

Верное замечание о расистской историографии автор сопровождает ошибочным утверждением, будто «советские историки по обязанности», отходя от науки, «отрицают какое-либо историческое значение присутствия варягов в России»¹⁴⁴. Видимо, от Г. Штёкля ускользнуло то, что пишут советские историки о славяно-норманском общественном синтезе¹⁴⁵.

Древняя Русь. Это — «нормальное средневековое государство»¹⁴⁶, и попытки украинских буржуазных эмигрантов искать там раннюю форму только украинского «национального» государства несостоятельны¹⁴⁷.

Отношения Руси с Германией. Эти отношения развивались нормально¹⁴⁸ вплоть до XIII века. Источники «не позволяют точно доказать» сговор империи и папства для удара по Руси в 1240—1242 гг., но и совпадение их действий, «конечно, тоже никуда не денешь»¹⁴⁹.

Немецкий Орден. Он наконец-то утратил под пером Г. Штёкля героический ореол. Орден строил свою власть на господстве меча, вел завоевательную политику, и победы Александра Невского имели важное значение, хотя и не положили начала «смертельной немецко-русской вражде на северо-западе»¹⁵⁰. Последнее замечание, пожалуй, верно, если вспомнить о русско-немецких политических соглашениях¹⁵¹.

Немецкая Ганза тоже лишится у Г. Штёкля незаслуженной славы бескорыстного культуртрегера, и понятно, что Россия стремилась «освободиться» от этого «обременительного посредника, чтобы самой завладеть удобными восточными гаванями и свободно вести торговлю»¹⁵². Новгород — вовсе не ганзейский город, «как это можно подчас прочесть в старых немецких изданиях, и новгородское городское устройство было в значительной степени дальнейшим развитием древнерусских основ, а не подражанием ганзейскому образцу»¹⁵³.

Монгольское нашествие. Г. Штёкль думает, что оно было обращено не на Русь, а на земли Запада¹⁵⁴, и полагает, что монголам «все сопротивлялись»¹⁵⁵. Поэтому ошибались не только старые историки Германии и Польши, приписывая победу своим странам¹⁵⁶, но ошибаются и советские историки, пишущие о «героической борьбе» Руси. Думается, Г. Штёкль недостаточно внимателен к советским работам, в которых как раз и говорится об участии в борьбе с монголами народов Восточной и Центральной Европы. Правда, вклад Германии в эту борьбу вы-

¹⁴³ Ibid., S. 96.

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ См. И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л. 1965.

¹⁴⁶ G. Stöckl. Osteuropa und die Deutschen, S. 97.

¹⁴⁷ Ibid., S. 99.

¹⁴⁸ Ibid., S. 97.

¹⁴⁹ Ibid., S. 87.

¹⁵⁰ Ibid., S. 38, 72, 102.

¹⁵¹ В. Н. Балязин. Россия и Тевтонский орден в 1466—1525 гг. Автореферат кандидатской диссертации. М. 1963.

¹⁵² G. Stöckl. Osteuropa und die Deutschen, S. 103.

¹⁵³ Ibid., S. 102.

¹⁵⁴ Ibid., S. 83.

¹⁵⁵ Ibid., S. 85.

¹⁵⁶ Ibid., S. 84.

зывает сомнения ввиду отсутствия ясных свидетельств, а также из-за распространившихся в годы нашествия слухов о сговоре императора Фридриха II с монгольскими ханами¹⁵⁷.

Россия и Европа. Отношения Руси с «Западом», как теперь полагает Г. Штёкль, не отражены (мы бы добавили, в должной мере) в русских летописях потому, что «нарастающее отчуждение между латинским Западом и православным Востоком побудило позднейших хронистов устранить из своего исторического повествования все свидетельства о религиозно-предосудительных контактах России с латинянами»¹⁵⁸. Как видим, уже нет в книге Г. Штёкля Руси, сидящей в изоляции, «аки в адовой твердыне». Напротив, он полагает, что Европа была неблагодарна в отношении Руси и вместо воздаяния ей чести за мужественную борьбу пробавлялась мыслью о том, что русские — азиаты, хотя они, свергнув иго Орды, выступили как наследники Византии¹⁵⁹.

В книге Г. Штёкля нет и пресловутой «европеизации» России немцами. Автор характеризует «немецкую свободу» как «пригород иностранцев»¹⁶⁰, говорит, что не немцы были важнейшими сотрудниками Петра, а шотландец П. Гордон и женевец Ф. Лефорт¹⁶¹, что в русской торговле уже с XVI в. первое место занимали англичане и голландцы. Участие немецких культурных сил в петровских преобразованиях бесспорно¹⁶², но от немцев пошла и бироновщина¹⁶³, и в русской нелюбви к «немцам», «конечно, виноваты не столько ученые, сколько придворные и бюрократы, ввезенные Петром»¹⁶⁴. Нельзя вытеснить историю России в ничейную зону между Европой и Азией: Россия — «великая держава Восточной Европы, она часть Европы и проблема Европы»¹⁶⁵.

Переходя к новейшей истории, Г. Штёкль осуждает агрессивность внешней политики гитлеровской Германии¹⁶⁶. В его книге нет мифа превентивной войны. Гитлер хотел войны, а «Мюнхен» поныне «в Москве считают сговором фашизма и капиталистического мира за счет единственной социалистической страны»¹⁶⁷. Гитлер хотел уничтожить поляков¹⁶⁸, а его поход против СССР — это «не только поход против извечного идеологического врага — большевизма, а борьба с целью уничтожения русского народа и всех других народов, населявших вожделенное восточное пространство»¹⁶⁹. За все эти годы агрессии «немецкое имя» и сделалось ненавистно народам Европы¹⁷⁰. Из своих размышлений Г. Штёкль как историк делает несколько знаменательных выводов.

Во-первых, следует отказаться от «реставрационных концепций», которые за пределами ФРГ, притом «не только в коммунистической пропаганде», обозначаются как «ревизионизм»¹⁷¹, то есть реваншизм; автор выдвигает в качестве задачи поиски сближения, перемен в отношении к ФРГ, «прямого улучшения атмосферы, основание нормальных соседских отношений»¹⁷².

¹⁵⁷ MGH SS. T. XXVIII, pp. 213, 292.

¹⁵⁸ G. Stöckl. Osteuropa und die Deutschen, S. 98.

¹⁵⁹ Ibid., S. 88—89, 91.

¹⁶⁰ Ibid., S. 108.

¹⁶¹ Ibid., S. 111.

¹⁶² Ibid., S. 109.

¹⁶³ Ibid., S. 111.

¹⁶⁴ Ibid., S. 112.

¹⁶⁵ Ibid., S. 95.

¹⁶⁶ Ibid., S. 170.

¹⁶⁷ Ibid., S. 175.

¹⁶⁸ Ibid., S. 179.

¹⁶⁹ Ibid., S. 180—181.

¹⁷⁰ Ibid., S. 183.

¹⁷¹ Ibid., S. 204.

¹⁷² Ibid.

Во-вторых, следует отказаться от доктрины Хальштейна: «и среди неурюстов сегодня едва ли возможны споры о том, принес ли долго-срочной внешней политике ФРГ больше пользы или вреда основанный на соображениях о праве народов метод санкций, известный в качестве доктрины Хальштейна»¹⁷³.

В-третьих, воссоединение Германии «в настоящий момент не является более политической целью отдаленного будущего»¹⁷⁴. История свидетельствует, что немецкое национальное государство — продукт XIX в., причем обусловленный временем; роковое заблуждение думать, будто цель развития человечества — создать повсюду совпадение этнических и государственных границ. Нет. «Под знаком XIX века нельзя решить ни немецкий вопрос, ни проблему немецко-восточноевропейских отношений; причем вторая является предпосылкой первого»¹⁷⁵.

Наконец, «европейское государство с европейским правительством, несомненно, является беспочвенной утопией. Что нам гораздо больше необходимо, причем настоятельно необходимо, — это высвобождение из примитивных уз националистических категорий мышления»¹⁷⁶.

Свою книгу Г. Штёкль заканчивает следующими словами: «Если ныне уже многие не падки на националистические эмоции, то новое должно прийти на ум и политикам. Это, быть может, тоже утопия, но других уроков из истории не добыть, если история должна служить предметом разумного рассмотрения, а не арсеналом истребительной борьбы народов»¹⁷⁷.

Мы познакомились с новыми работами Г. Штёкля, ясно отражающими эволюцию его взглядов как историка и публициста. Представитель пока еще весьма немногочисленного либерально-буржуазного направления в западногерманской историографии России, он, как видим, пытается сочетать в своем творчестве идеи антикоммунизма и антифашизма. Конечно, это «шаг вперед» по сравнению с господствующим в историографии, высшем и школьном¹⁷⁸ образовании и исторической публицистике ФРГ тесным союзом между реваншизмом и антикоммунизмом. Пытаясь занять некую промежуточную позицию в борьбе лагеря мира и социализма с лагерем реваншизма и неофашизма, Г. Штёкль, видимо, забыл о судьбе веймарской либеральной историографии. Чем она кончила, хорошо известно.

Трудно сказать, каков будет следующий шаг Г. Штёкля. Творческий путь этого ученого сложен, но одно ясно: антикоммунизм — орудие реваншизма, поэтому, лишь избавившись от антикоммунизма, можно стать полноценным борцом против реваншизма и войны, за мир и прогресс.

¹⁷³ Ibid., S. 204.

¹⁷⁴ Ibid., S. 9.

¹⁷⁵ Ibid., S. 205.

¹⁷⁶ Ibid., S. 205—206.

¹⁷⁷ Ibid., S. 206.

¹⁷⁸ Знакомство с освещением истории СССР в школьных учебниках ФРГ последних лет вызывает глубокую тревогу, но это — тема особой статьи.